

Метельный храм

Храм — воздвигаемый
белою бездной
зимней метели, скрипучей,
железной —
что ты вращаешься вихрем в ночи?
Что ты бредёшь
по равнинной трясине?
Или молитву несёшь по России?
Или, отчаявшись,
хрипло кричишь?

Вот окружил меня белой стеною.
Был бы я рад подойти к аналогу —
свечку затеплить,
молитву сложить.
Пусто. Лишь слёзы на веках
густели

толи от вздохов
прощальной метели,
толи от счастья, что надобно жить.

Русское поле, давно мог понять я:
жизнь — испытание,
но — не распятие.
Вот и сегодня: и темень, и снег.

Но почему, когда вьюга
восстала
храмом из поля —
душа заблестала?
Божий огрех?
Или Божий успех?

Сколько я помню —
иду через поле:
в боли телесной,
в провидческой боли.

Надо бы плакать,
а хочется жить.
Нет для смертного
в радости срама.
Нет для вечного в напасти драмы.
Лишь очищение и подвиг души.

Что ж, поклонюсь я
метельному богу.
Стены раздвину —
и двинусь в дорогу.

Темень, конечно, — ни изб, ни огня.
Вихри вокруг —
словно свечи витые.
Но разогну с облегчением вью.
Господи Боже, порадуи меня.

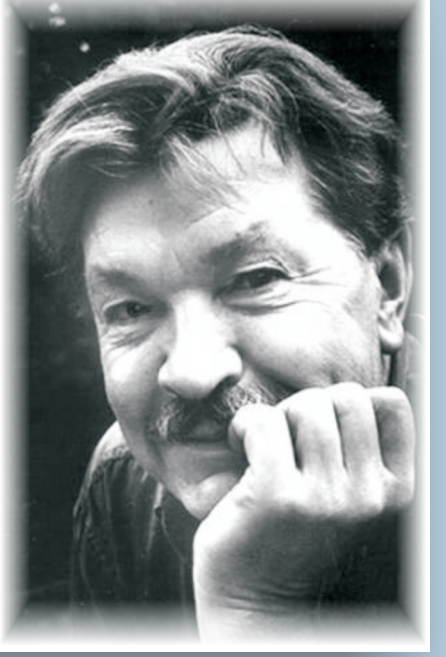
Сотворение

Просторное серо-синее
поле времён лежит.
И уголья красного инея
раскиданных звёзд свежи.

Я выплыл из смертной дали
в живую вечно даль.
Пути любви и печали
закручивались в спираль.

И в лоне провидческой воли
я жил всемогуще — но

Валентин УСТИНОВ —
президент Академии поэзии,
автор более
двадцати книг
стихов и прозы,
лауреат многих
литературных премий,
награждён Орденом
Дружбы за заслуги в
развитии отечественной
культуры и искусства.
Редакция ОЛГ поздравляет
Валентина Алексеевича с
приближающимся юбилеем
и желает ему поэтического
вдохновения, здоровья и
нескончаемой
читательской любви.

Валентин УСТИНОВ

Сотворившие рай

был, словно это поле,
безмерен и одинок.

Тогда — простирая в полёте
себя в творческий овал —
и крохотный светоч плоти
верой из звёзд созвал.

Воля души мириады
светящихся волн свела
сначала в сиянье взгляда.
Сияньем в глазах жила.

Потом, как будто из пены,
возникло лицо — и вдруг
трепетно и степенно
качнулись берёзки рук.

Как два лебединых подарка,
две груди вспорхнули. В лог
животик потёк. И аркой —
округло, овалом, жарко —
замкнулись две стелы ног.

Она проявлялась — словно
играл теслом солнцебой.
И вот расцвела — объёмной,
нагаданной и живой.

Когда подошла и рядом
легла в молодой туман,
то атом простёрся в атом
и правдою стал обман.

Как будто любви идею —
вечность перекроя —
я создал. И вот — владею.
И чувствую, что твердею
для нового бытия.

И — страстно, трёхмерно, ярко,
кометою в борозду,
любовью — вошёл под арку.
И — сотворил звезду.

И создал рог избытия.
И обратилась вдруг
энергия звёздной пыли
в реки, леса и луг.

Откуда-то взялись горы.
Ливень кусты купал.
И Бог в ожившие взоры
синью небес упал.

И — погрузясь в колокольца,
кутаясь в гром и грай —
смотрелись в смертное солнце
мы — сотворившие рай.

Око

Крупный ветер безумен.
По алым кустам
пляшут чёрные капли и тени.

Вихрь тебе обнажает колени,
сарафан уподобив листам.
Ты хохочешь в шутиливом смятенье.
И, присев, утопляешь ладошками ткань
в травы — в перья и острые грани.
И тотчас же по ткани
побежала гурьбой луговая герань,
закружив хоромы фазаны.

Гром ударил:
огромен был день молодой.
Но ничто не исчезло во страхе.
Кони вились и грызлись. А птахи
целовались,

любились в ольхах над водой,
в синей роздыми, в солнечном прахе.
Так орало, стеноло по весам, лесам
всё живое, так завало друг друга,
что медвяно бурлила округа.
И хоралом вздымалась земля к небесам.
И взглянули мы вдруг друг на друга.

Но забылось тотчас. Потому что меж нас
стонким визгом неслась кобылица.
А за ней —
золотой первобытной птицей —
жеребец, искривив оранжевый глаз.

Зноем жажды ударило на лица.
Он нагнал и за холку зубами поймал —
словно коршун тетёрку в полёте.
Круп парил — как вселенная плотен.
Она билась —
бесился стреноженный шквал.
Но держала свой хвост на отлёте.

Между тем две грозы накатились.
Меж них
ствол ударил — слепящий и длинный.
Вопль любви загремел,
сотрясая долины.

Но не смог заглушить
ни стрекоз у межи,
ни органа лягушек трясины.
Ты не вздрогнула даже. Ты встала.
Восторг

растворил и ресницы, и губы.
Не заметила даже, что грубо
вихрь фазанов вспугнул —
и на солнечный торг
обнажил твои тайные клубы.

Что за день! Ты шептала: «Апофеоз...»
Это кони в лощине за ивой
совершали священное диво
всю солнечной мощью и звонов, и гроз.
И, вздохнув, ты шептала: «Красиво!»
И, вернув фазанов

в сарафановый плен,
распростёрлась меж кипени пенной.
И — ныряя в полёт постепенно —
довелось переведать!

распахнула сведённые крылья колён.
...И открылось мне око вселенной.

По околице летнего рая

Солнце взлохотило! Удивление это.
Весело! Охи и вздохи привета.
Вот и пришло бесконечное лето
в синих берёзах, в застойных дождях.
Белое — словно ромашек оконца
с жаркой улыбкой счастливого солнца,
с каплями влаги по всем волоконцам —
в трелях лягушек, в дроздах,
в соловьях.

В эти минуты по юной дороге
ты подходила стезей босоногой.
Господи! Как мне про лёгкие ноги
точно и нежно, и чисто сказать?!
Видели вы, как лучи на рассвете
плавно скользят

сквозь цветущие ветви?
Слышали в полдень танцующий ветер?
Пили впотмах родниковую гладь?

Нитки рябин оплетают лодыжки.
Розовых пятков над травами вспышки.
То ли танцует, а то ли вприпрыжку
мчится над бездною жизни земной.
Я же стою, наваясь на жердину.
Зной утраиваю, в сомнении стыну.
К Духу Святому, к Отцу, к Его Сыну
строится слово моё надомной.

Силы земные! Взгляните на ваше
чудо создания — детёныша пашен,
дочь луговых, зеленеющих башен,
в тайну окутанных, как в пелену.
Вами округлены груди и бедра.
В сладости губ — земляничное вёдро.
Как вы в ней дышите — вольно и бодро.
Как вы творите в ней мать и жену.

Силы небесные! Ваши победы —
цветень надежды сквозь боли и беды.
Помню: она приносила обеды
на лесосеку — творог и блины.
И, в поднебесье глазами витая,
в синем восторге смеялась: «Летаю!
Ласковым голубем в небе летаю.
Как наяву. А похоже на сны».

Силы духовные! Ваше творенье —
словно кипенье любви и терпенья.
Словно малиновки майское пенье:
сладко, огромно — и слёзы из глаз.
Вот словно луч просияла по лицам:
будто орлица, но — голубица,
нас преклоняя иконою молитвы:
горьких, смятенных, восторженных —
нас.

Вот он я, Господи! Жилый, длинный,
локти спешивши уткувши в жердину,
долго смотрю

сквозь круженье крушины
в жаркую жизнь и остуду свою.
Сколько мне солнц
довелось переведать!

Мёдом обедать. И в полудни ведать:
ты, только ты — моя жизнь и победа.
Солнце сегодня — во славу твою.

Ну же! вздымай из воды поколенной
в небо купальницу — око вселенной.
В ливень волос погудящий постепенно,
чтобы смеялось, как солнышко в дождь.
Весело! горько! стоять, наблюдая
как по околице летнего рая
ты — до последней секунды родная —
рядом со мною, но мимо идёшь.

Холм Кремля

Александр Стручкову,
Сергею Васильеву

Вот холм стоит. Звон башен на холме.
Ступени храмов — лестница витая.
И сколько нас — во славе и во тьме —
прошли по ней, идут и в звоне тают.

Вот холм летит. И в золотом огне
витают души в стовесковом зове.
И нам здесь быть: вам — страдникам,
и мне.

Нам черпает решетом любовь из крови.

Но нет другого для Руси пути,
как нет возврата по спирали века.
Звени, судьба. В сто сотен лет гуди,
звываяя в Боге человека.

Друзья мои! Высокий путь — не зрим.
Путь в темноте —
насквозь пронизан стоном.
Но с нами — Бог.
Вернее — с Богом, с Ним
восходим мы по лестнице со звоном.

Под нами нынче осень и зима,
Москва — от зова душ, от слов любви
густая...
Вот холм Кремля. И с этого холма
видна вся Русь — по-прежнему Святая.

Ветер тронул узорные ставни
и пошёл по округе рыдать.
Пить бы мёд молодыми устами
и осеннюю чить благодать.
Что-то холодно ныне округе.
Первый иней на травах лядин.
Где вы, други? Забытые други...
Я один во Вселенной, один.
Беззаботное прошлое время,
оседлав подле ставни коня,
ногу вставило в смелое стремя
и умчалось — забыв про меня.
Жаль, что снятся мёды на закате.
Жаль, что низко дождят облака.
Жаль, что блудо с блинами на скатерть
подаёт не родная рука.
Я живу на последнем старанье
перед ликом людским не рыдать.
Я живу на последнем страданье —
научившись любить и страдать.

Разговор с товарищем
Маяковским — поэтом и
гражданином Советского
Союза

К 120-летию со дня рождения

«Александр Сергеевич,
разрешите представиться...»
В.В. Маяковский

Владимир Владимирович,
разрешите представиться.
Надеюсь, ничем я Вам не насолил.
Когда ещё случай такой

предоставится —
мне Вам рассказать,
кто такой «Мар.Салим»?

Под именем этим —
пусть не человечеству, —
но многим башкирам
давно я знаком.

«Полезную взбучку»
на тюркском наречии
оно означает, «здоровый разгром».
Я сплавлю Аллаха, забыв о раздорах,
за то, что есть силы бродить по Уфе,
за то, что сухим остаётся мой порох,
чтоб биться за истину

в каждой строфе.
Иные, в толпе меня видя идущего,
вылить злорадства готовы ушат.
Но люди простые
с теплом и радушием
руку при встрече

пожат мне спешат.
А те, кто сатирию моею отхлёстан
и месть мне таят
в глубине своих душ —
грозят кулаком мне.

(А кто-то — и просто
старается грязью обрызгать
из луж!)

Но этот цинизм
подловатый и выморочный
уже не способен меня удивить.
Чему удивляться,
Владимир Владимирович?
Мы знаем, что значит —
сатириком быть!

И ныне,
шагая по Коммунистической —
одной из красивейших улиц Уфы,
я в сквер Маяковского
двигаюсь мистически,
где в гуще зелени замерли Вы.
Здесь каждое дерево духом —
советское,

вгрызлось корнями
вглубь прожитых лет.
Вы среди них —
как в любимой семье своей...
Дайте же руку пожать Вам, поэт!
Словно вулканом душа моя

выжжена,
сердце забыло веселья струну.
Разве до смеха мне?
Столько обиженных
просят помочь им, куда ни взгляну!

Правда шатается. Не удержать её
лишь на поэтах да на мужиках,
если бразды управления державного
воры-чиновники держат в руках!
Вон они — встали, законы цитируя,
словно шлагбаум, закрыв все пути.
Чем с ними справиться?

Только сатирою!
Действенной смеха — бича не найти.
Не трепещи, что «замочат в сортире»,
зло расплодилось от Москвы до Уфы.

Жаль, «измельчал,
обезубел сатирик», —
как справедливо заметили Вы.
Жить, конфликтую
с чинами державными,
не по плечу тем, кто слаб или юн.

Много ли шансов —
с ногами дрожащими
зло победить в рукопашном бою?
Вот потому-то,

Владимир Владимирович,
чтоб к гонорарам тропу проторить,
много бросили фронт сатирический
и — «ниже пояса» стали остричь.

Так наступила эпоха хохмачества,
и у страны будто «крышу снесло»:
честность, наивность —
обмеяны начисто,
но не затронуты наглость и зло.

Вы говорили когда-то, что перья
надо затачивать остро, как штык.
Этот совет Ваш припомнил теперь я,
видя, как дух сатирический сник.

Но, неужель нынче напрочь утрачено
свойство сатиры высмеивать власть
жуликов, взяточников, расстратчиков —
всех, кто корыстно использует власть?..
Не отвечайте. Вы сделали символом
славного строя, что в вечность ушёл.

Пусть никакой лишь валютною силою
жизнь в запрет Вашу песнь «Хорошо!»
Верю в заповест этот оптимистический
и, эту веру от всех не тая,
твёрдо шагаю по Коммунистической,
вторя: «Читайте, завидуйте, я...»

Верните, что взяли

«Даром получили, даром давали».
Мгф. 10; 8.

«Это богатство вам досталось от
предков!»
Коран, сура Хадида, аят 29; 7.

Такого представить не мог ничём
никто из погибших во имя Победы,
чтоб те,
кто сегодня вдруг стал богачом —
в упор не смотрели на тех,
кто стал бедным!

Поэтому мы — кто не день и не два
прожили на свете по милости свыше, —
должны прокричать вулканом слова,
которые им не хотелось бы слышать.
И строчки, что ныне во мне родились,

Известный сатирик Марсель САЛИМОВ
(Мар. Салим) пишет на башкирском,
русском и татарском. В предисловии к
книге «Белым по чёрному» классик
русской литературы Сергей Михалков
написал: «Сокровенная творческая задача
Марселя Салимова — удивлять читателя,
помогать ему по-новому взглянуть на
многие явления нашей жизни, сделать себя
чутью лучше и великодушнее.
Произведения автора учат читателя
мыслить, а значит, становиться мудрее,
звать к добру, свету, честности и
справедливости...»

пусть выскажут тем,
кто пугается прошлого,
что зря они все от него отстрелились:
не меньше плохого

там было хорошего.
И даже, когда нас, бесчётно губя,
сажали по спискам, Трансбидо длиннее,
мы Родину — не предавали, любя,
и, горе терпя, становились сильнее.

Ничто нас на свете согнуть не смогло,
мы вроголоды жили, но радостно пели.
Мы вынесли боль и отринули зло...
А вы что хорошего сделать успели?

Вы нагло присвоили всё, что страна
копила, шагая в грядущие дали.
Соперничать с нами и сам сатана
не смог бы — так шустро всё расхватали!

Но что бы, скажите-ка мне, удалцы,
могли вы присвоить себе, в самом деле,
не выстрой вам шахт и заводов отцы?..
(Вы строить умеете только дворцы
себе у морей — на народные деньги!)

Любой олигарх поедает, как шмель,
тот мёд, что готовили пчёлы всё лето.
Великое дело — летать в Куршавель,
чей же я тогда, друзья, поэт?..

Не стыдно ли, в Лондоне сидя сыром,
швырять миллионы на новые яхты,
соря, как пропойца, народным добром
и трать легко наши верфи и шахты?
Пред вами в поклоне стоят старики,
у всех — ордена и почётные звания.
Сжимают в карманах они кулаки
и... просят безмолвно у вас подаюня.

Не смейтесь над ними —
не их в том вина,
что воры во власти (за ними успеи-ка!)
решили, что честной работе цена
отныне не больше,
чем просто — копейка!

Мы, как опьянённые, верили вам,
а вы — нашу Родину распродали.
Но нет больше веры красивым словам,
вам впрёд провести нас

удастся едва ли!
И, не опуская униженно взгляд,
мы требуем, вновь обретая свободу:
— Всё это — не ваше! Отдайте назад!
Верните, что взяли, обратно народу!

Ненародный поэт

Завершался творческий мой вечер,
я стихи последние прочёл
и уже хотел закончить встречу,
но одной детали не учёл —
той, что поэтические речи
могут дать к дискуссии толчок...
И парнишка, дерзкий и свободный,
вдруг спросил:

«А вы поэт — народный?»

Я всегда был быстрым на ответ
и в карман за шутками не лазил.
Ну, а тут — как будто кто-то сглазил —
не могу сказать ни «да», ни «нет».
Тут любой — затылок свой почеснет:
если не народный я — то чей же,
чей же я тогда, друзья, поэт?..

Я лишь рот открыл, чтобы ответить,
что меня пока ещё отметить
этим званием не успели, но —
мужичок, невзрачный и немодный,
закричал: «Да как же — не народный,
если бьётся за народ давно!»

«Ну и что, что за народ он бьётся?
Что — народ? Он только посмеётся,
а вот званьем наделает власть!» —
так ему ответил сердито
дама respectable вида,
этот спор подхватывая власть.

«Ну и что, что за народ он бьётся?
Что — народ? Он только посмеётся,
а вот званьем наделает власть!» —
так ему ответил сердито
дама respectable вида,
этот спор подхватывая власть.

«Это правда! — кто-то ей поддакнул. —
Власть не всяким делает подарки,
а лишь тем, кто за неё — горой!»
«Верно! Верно! —

зал ответил дружно. —
Власти любят тех, кого им нужно,
а не тех, кто их хулит порой!»

«Ну, какая польза от сатиры?
Ведь сатиры — не закоресть дыры,
что сквозят в бюджете городском!
Хоть и служит наш поэт народу,
но он власти — не напишет оду.
Что ж и ей-то помнить о таком?»

«У него в стихах — ни поздравлений,
ни похвал, ни громких прославлений
тех, что нам указывает путь.
А без од и посвящений пышных
даже самых званий нукудышных
не получишь, хоть Гомером будь!»

«Коль писатель званий не имеет —
то писать, как надо, не умеет
и, выходит, виноват он сам,
что поблизи не тому учился.
Потому такой и получился —
ни властям не мил, ни небесам!»

«Коль его борьба за правду гложет,
то другим он стать уже не сможет,
и ему народным — не бывать!
Тут не надо мировых признаний,
мой земляк собрал уже сто званий —
просто знал, кому и что давать...»

Напоследок, улыбаясь мило,
одна дама нежно попросила,
сунув в руки мне огромный лист:
«Мой знакомый вымечтал решение:
о "народном" подавать прошение.
(Я скажу, он славный куплетист!)

Мне неловко, что просить вас смею,
но скрепите подписью своею
вы письмо, что мы пошлём сейчас
в комитет по присвоению званий...»
Я вздохнул: «Ну что поделять с вами?..»
И внезапно — в зале свет погас.

И в дрожащем зыбком полусвете
рядом с ней на сцене я заметил
Пушкина, Тукая, Акмуллу
и других поэтов благородных,
что пришли за званием «народных»
сквозь веков седую полумглу.

О, Аллах! Я чуть не задохнулся.
Но пришёл в себя и оглянулся —
никого... Всё лишь минутный бред.
Вот — народ толпится возле сцены,
вот — белеют в полумраке стены...
Ну, а вот — опять включили свет.

И, светлея и душой, и ликом,
понял я, что истинно великим
в этих званьях наших — проку нет.
И, как ветер утренный, свободный,
я поставил подпись: «Ненародный,
для народа пишущий поэт».

Приди, Тукай!..

К 100-летию со дня смерти Габдуллы Тукая

«Я ведь не только чистый поэт,
как ты,
я же ещё дипломат, политик
и общественный деятель.
Многое видят мои глаза,
многое слышат мои уши...»

Из письма Габдуллы Тукая
поэту Сагитту Рамиеву.

Проходит вечность, Волгой протекая,
пытаясь жизнь улучшить день за днём.
Сто лет уже, как с нами нет Тукая,
а мир вокруг — такой же, как при нём.
Кругом царят всё те же казнокрады,
неравенство, жестокость, плутовство.
Всё так же кружит голову богатство
и процветает всюду воровство.

Одни всю жизнь живут
в нужде угрюмой,
ну, а другие — тащат из казны,
прикрыв свой грех

Правительством и Думой,
Москва стоит на том же самом месте,
на месте — вся чиновничья орда,
что, позабыв о совести и чести,
сульбой сладкой грабит города.
Пустые строчки громко выкликают,
бегут поэты к званиям гурьбой,
но между них — нет нового Тукая,
чтоб жил с народом общою судьбой.

Народный плач творцы стихов
не слышат,
не обличают строчками грехи,
а, славя власть, подобирают пику
тем, кто вверху, хвалебные стихи.
Нехватка правды —
жжёт сильнее жажды,
терзая сердце мукою в груди.
И так охота прокричать однажды:
— Приди, Тукай!

Ты нужен нам! Приди!..
Перебёл с башкирского Николай ПЕРЕСЛОВ